

АБИДОССКАЯ НЕВѢСТА,

ТУРЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ,

ПЕРЕДЕЛАНА СЪ АНГЛІЙСКОЙ ПОЭМЫ

ЛОРДА БАЙРОНА

М. ПОЛИТКОВСКОЙ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1839.

АБИДОССКАЯ НЕВѢСТА,

ТУРЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ,

ПЕРЕДѢЛАНА СЪ АНГЛІЙСКОЙ ПОЭМЫ

ЛОРДА БАЙРОНА

М. ПОЛИТКОВСКОЙ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Москва, Февраля 18-го
дня 1859 года.

Ценсоръ Д. Наумовъ.

АБИДОССКАЯ НЕВЪСТА.

«Когда бь такъ нѣжно не любили
Мы, любя, не слѣпы были,
Не зкались бы, не покидали,
Мы никогда бы не страдали.»
Борисъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Вы знаете ль страну, гдѣ кипарисъ и мирты,
Эмблема подвиговъ и дѣлъ свершенныхъ въ ней?
Любовь, пороки, страсти болѣе развиты,
Хищныѣ коршуны, и голуби вѣжливѣй?
Страну, гдѣ гордый кедръ и виноградъ растутъ,
Гдѣ солнца лучъ горячъ, цвѣты всегда цвѣтутъ:
Въ садахъ порхаютъ пышныхъ и пространныхъ,
Зефиры, на крылахъ благоуханныхъ
Оливка и лимонъ, прекраснѣйшій тамъ фруктъ,
И вѣчно соловьи пѣть не перестаютъ.
Гдѣ колоритъ земли, сводъ неба голубой,
Хоть цвѣта разнаго, по красоты одной,
И пурпуромъ блеститъ тамъ океанъ сѣдой.

Гдѣ дѣвы страстныя вѣнковъ изъ розъ свѣжѣй,
И все божественно, лишь человекъ тамъ злѣй.
Восточный климатъ гдѣ, и солнца край любимый,
Оно смѣясь глядитъ, какъ тамъ судьбой гошимый,
Съ отчаяньемъ прости любовникъ говорить.
О! мрачны тамъ сердца, и ихъ разсказъ страшить.

2.

Блестящая толпа рабовъ,
Избранныхъ, славныхъ храбрецовъ,
Властителя приказъ все ждуть,
Идти за нимъ. стоятъ ли тутъ?
Но старый Гіафиръ сидитъ,
Съ глубокой думою въ очахъ;
Какъ Музульманинъ, можетъ скрыть
Онъ, что нельзя излить въ рѣчахъ,
Наружность, предъ людьми всегда
Непроицаема, горда;
Но въ блѣдности его ланитъ,
Въ бровяхъ нависшихъ гнѣвъ сквозитъ.

3.

«Оставьте насъ» — и все ушли. —

«Гарема сторожа пришли.»

Остался съ Гіафиромъ сынъ,

Да рабъ—Нубіецъ лишь одинъ.

«Горюнь, когда людей толпа
Пройдетъ въ наружныя врата,
(Лицо Зюлейки молодой
Увидить кто, тотъ головой
Отвѣтитъ) дочь изъ башни той
Ко мнѣ веди; ея судьбой
Я здѣсь рѣшу; ни слова съ ней!
Самъ воли научу своей!»

«Паша, кто слышалъ, исполняетъ!»
Такъ рабъ, деспоту отвѣчаетъ, —
И къ башнѣ путь ужъ направляетъ.
Вдругъ, молодой Селимъ сказалъ,
Сначала низко поклонясь,
Такъ кротко, не поднявъ и глазъ;
У ногъ пашіи онъ все стоялъ;
Онъ могъ скорѣе умереть,
Чѣмъ при родителѣ сидѣть!
«Отецъ, намѣренъ ты бранить
Сестру и слугъ ея казнить;
Такъ, знай! одинъ виновенъ я,
Пусть гнѣвъ падетъ твой на меня; —
Часъ утра весело блисталъ,
Усталый, да старикъ лишь спалъ, —
Красою неба и земли,

Мы любоваться не могли!
Хотѣлось сердце раздѣлить,
И другу мысли всё излить. —
Уединенія оковъ,
Я не люблю, мой духъ таковъ! —
Вотъ, я Зюлейку разбудилъ;
Гарема ржавый мнѣ замокъ,
Ты отпирать не запретилъ.
Проснуться стражъ еще не могъ;
Мы въ рощу кипарисовъ скрылись,
Землѣ, волнамъ, лучамъ дивились;
Мы пѣли, сказки говорили,
Людей и время позабыли;
Вдругъ слышимъ барабанный бой,
Онъ возвѣщалъ всѣмъ выходъ твой.
На этотъ зовъ явился я,
Мой долгъ привѣтствовать тебя.
Зюлейка жъ тамъ еще гуляетъ. —
Отецъ! не сѣгуй — не забудь,
За башней жень кто наблюдаетъ,
Лишь можетъ въ рощу заглянуть!»

4.

«Рабыни сынъ!» — Паша вскричалъ,
«Невѣрной матерью рождешъ,

Отецъ увидѣть тщетно ждалъ,
Что мужествомъ ты одаренъ,
Чѣмъ лукъ бы гнуть, коньѣ метать,
Коней отважно укрощать,
Ты, хотъ не родомъ, Грекъ — душой,
Ты любишь звукъ журчащихъ водъ
И розъ плѣняешься красой!
Львивый вѣзоръ дивитъ восходъ!
Пускай, блестящее свѣтило,
Тебѣ огня бы удѣлило! —
Полкъ христіанъ, ты бѣ допустилъ,
Чтобъ крѣпость нашу онъ разбилъ,
Стерпѣлъ бы зрѣть, предъ силой Русскихъ,
Паденье старыхъ стѣнъ Стамбульскихъ;
И съ племенъ Назарянъ враждебнымъ,
Ты бѣ не сразился; твой удѣлъ
Не сталь, а женская кудель! —
Горюгъ! — за дочерью бѣги,
Да жизнь свою побереги, —
Когда Зюлейка убѣжитъ, —
Припомни, гдѣ мой лукъ лежитъ!»

Ъ.

Селимъ ни слова не сказалъ,
И гнѣвъ отца не отвергалъ,

Но пуще христіанской стали
Насмѣшки духъ его терзали.
«Рабомъ и трусомъ онъ назвалъ!
Упрекъ другимъ бы дорогъ сталъ.
Рабыни сынъ! — Кто жъ мой отецъ?»
Онъ мрачно думалъ наконецъ;
Его глаза огнемъ сверкали,
Потомъ мгновенно погасали.
На сына Гіафиръ глядѣлъ,
Дивился, вѣрить не хотѣлъ;
Онъ видѣлъ, что отъ строгихъ словъ
Мятежникомъ быть сынъ готовъ:
«Сюда, дитя! — отвѣта нѣтъ;
Тебя я знаю много лѣтъ; —
Но все же ты не долженъ смѣть;
Когда бы борода длиннѣй
Была твоя, — рука сильнѣй,
Съ тобой бы я былъ радъ, Селимъ,
Помѣриться, копьемъ своимъ!»
Съ усмѣшкой это онъ сказалъ,
Съ Селима глазъ не отнималъ;
Но взоръ его не устрашалъ,
Онъ гордо на отца взиралъ,
Пока былъ долженъ уступить

Гіафиръ; за чѣмъ? — какъ объяснить?

«О! своеправное дитя

Вредить мнѣ можетъ не шутя:

Не могъ, съ рожденья, я любить

Его. — Не вѣрится мнѣ, чтобъ

Онъ на охотѣ могъ сразить

Хоть слабыхъ ланей-антелопъ.

Вступить онъ въ бою не будетъ смѣть,

Гдѣ цѣль есть слава, или смерть! —

Страшусь я взора и рѣчей

Его: — хоть близокъ онъ моеи

Крови, но — Тс. . . . не слышитъ онъ, —

Пусть будетъ строже заключень!

Христіанинъ, на взглядъ онъ мой,

Или Арабъ, въ сраженьи злои! —

Вотъ, чу! — Зюлейки слышеть гласъ;

Какъ гурій гимнъ, душѣ моеи

Онъ сладокъ! — Дочь! ты мнѣ сто разъ

Дороже матери твоеи.

Ты, какъ надежда, не страшишь

Меня, какъ пери веселишь!

Сладка ты, какъ въ стени ручей,

Спасающій своеи струей; —

Я жажду зрѣть тебя; — молю,

Благодарю святыню Мекки,
Съ рожденья жизнь твою на вѣки.
Благословляю и люблю!»

6.

Прекраснѣй первой, что изъ женъ ушла,
Когда съ улыбкой на змя взирала,
Чей видъ въ умѣ ея, хоть ужъ не новъ,
Разъ обманувъ, — прельститъ опять готовъ.
Милѣ призрака, что посѣщаетъ
Во снѣ, когда въ печали утѣшаетъ,
Любимыхъ сердцу камъ изображаетъ,
Земли утраты, въ небѣ возвращаетъ;
Нѣжна, какъ память о любви прошедшей,
И непорочна, какъ дитя молящій;
Дочь грознаго паши; — хоть безъ печали, —
Слезамъ очи старика встрѣчали.

Словами можетъ чей языкъ безцвѣтный,
Хоть искру передать любви небесной?
И кто не испыталъ, когда въ смущеньи
Туманитъ взоръ нѣмое восхищенье;
Трепещетъ сердце, а лицо горитъ, —
Про силу красоты намъ говоритъ?
Вотъ вамъ Зюлейка! — но не замѣчаетъ

Она, что дивной красотой блистаетъ;
Въ ней ясность граціи, любви сіянье;
Ума, гармоніи, — въ лицѣ дыханье.
Наружность, какъ и сердце превосходно; —
А очи! — душу прочитатъ въ нихъ можно!

Съ смиреніемъ сложивши руки
На мило вздущуюся грудь,
При нѣжномъ словѣ эти руки,
Къ тому готова протянуть,
Кто дочь ласкалъ, благословлялъ. —
Зюлейки видъ отца смущалъ,
Его намѣренья смягчалъ:
Суровъ душой онъ — но желалъ
Ей счастья, и о томъ мечталъ;
Что чувство къ сердцу приковало,
То честолюбіе отрывало!

7.

«Зюлейка, милое дитя,
Какъ день тотъ дорогъ для меня,
Когда я долженъ скорѣй забыть,
Что я люблю, такъ потерять,
Съ другимъ тебѣ жить приказать:
Другой! — храбрѣй я не видалъ,

Когда въ сраженіи бывалъ!
Межъ Мусульманъ, хотъ малъ почётъ
Прадѣдамъ, Карасмана родъ,
Неизмѣнимо первымъ слылъ
Въ полку, тѣхъ храбрыхъ Тимариотъ,
Земель, кто много покорилъ.
Да, знай! — кто сватаетъ тебя,
Тотъ ближній Бей-Оглу родня:
А объ лѣтахъ что помышлять;
Нельзя жъ за мальчика отдать.
Ты будешь въ важномъ домѣ жить,
Мы можемъ власть соединить,
И смертный презримъ мы фирманъ,
О коемъ мысль другихъ страшитъ,
Проучимъ посланныхъ, кто намъ
Тотъ приговоръ провозгласитъ.
Отца теперь ты знаешь волю;
Твой полъ не больше долженъ знать,
Какъ послушанье — любви жъ долю
Супругъ обязанъ показать.»

8.

Склонилась дѣвушка головой,
На глазкахъ слезы навернулись,
Отъ чувствъ стѣсненныхъ не скатились;

Смѣнялись щеки краснотой
И блѣдностью, пока стрѣлой
Слова къ ней въ уши проникали,
Стыдомъ дѣвичьимъ волновали!
Слезу жаль поцѣлуемъ смыть,
Въ глазахъ красотки что блеститъ;
Румянецъ скромности такъ милъ,
Нельзя желать, чтобъ меньше былъ!
Паша все это ужъ забылъ;
Вниманья не оборотилъ,
Ударивъ въ руки, вестъ коня
Велѣлъ; и бросивъ свой чубукъ,
Сѣлъ ловко на сѣдло. Въ поля
Поѣхалъ съ свитой Мамелюкъ,
И съ нимъ всѣ Деліи вокругъ,
Смотрѣть искусственный маневръ
На острыхъ шашкахъ и коньяхъ,
Одни лишь Мавры, да Кизляръ,
Стоять въ гарема воротахъ.

9.

Главой на руку опершись,
На воду синюю смотрѣлъ:
Скользнули, быстро поднялись,
Шумящи волны Дарданелъ;

Но море, брегъ, онъ не видалъ,
Толпу нашей не замѣчалъ,
Игравшихъ въ мнимую атаку,
Произвавшихъ шляпу на скаку
Ударомъ съ разу сабли острой,
Метавшихъ дротикъ не видалъ,
Аллахъ! крикъ дикій не слыхалъ; —
Онъ занять Гафира дочкой! —

10.

Но говорить Селимъ не могъ;
Открылъ хоть мысль Зюлейки вздохъ:
Въ окно съ рѣшеткою глядѣвъ,
Былъ мраченъ, блѣденъ, молчаливъ.
Зюлейка взоры обращала
Къ нему, но мало тѣмъ узнала:
Хоть грусть ровна ихъ, но слабѣй
Горѣлъ сердечный пламень въ ней;
Застѣнчивость, быть можетъ, страхъ
Какой-то затруднялъ въ рѣчахъ.
Хоть говорить должна — но какъ?
«Онъ странно отвернулся! такъ
Мы не встрѣчались никогда;
Не такъ простимся навсегда!»
Вотъ трижды въ комнатѣ прошла;

Онъ пристально не сводитъ глазъ;
Схватила урну для духовъ,
Изъ рѣдкихъ Персінъ цвѣтовъ,
Душистой насынула струей,
Поль мраморный, сводъ расписной:
И капли, сквозь камзолъ блестящій
Проникли. Дѣвушки игравшей,
Напрасенъ этотъ вызовъ былъ,
Онъ грудь, какъ въ мраморъ превратилъ.
«Какъ, все молчитъ? но что же съ нимъ? —
О! милый, вотъ тебѣ, Селимъ!»
Съ прекраснымъ вкусомъ собраны
Цвѣты, восточной стороны: —
«Любилъ онъ ихъ; и отъ руки
Зюлейки будутъ дороги.»
Едва мысль дѣтская пришла,
Она ужъ розу сорвала;
Потомъ у ногъ Селима смѣло
Волшебница красиво съла:
«Вотъ роза брату прислана
Отъ соловья; развлечь должна
Его тоску; а ночь онъ
Споетъ Селиму, грустью полна,
Напѣвъ его — на этотъ разъ,

Споеть онъ веселѣй для насъ;
Надѣясь переменой той,
Разстроить мрачный замысль твой.

11.

«Какъ! взять не хочешь мой цвѣтокъ?
Ужели такъ я несчастлива!
Наморщивъ лобъ, ты къ той жестокъ,
Тебя кто любить, такъ не льстиво?
Скажи, Селимъ мнѣ дорогой!
Противень видъ иль страшень мой?
Склонись на грудь мою главою,
Мое лобзанье дастъ покой;
Слова напрасны! — пѣснь не лей,
Мой баснословный соловей!
Отецъ, хоть строгъ со мною былъ,
Тому меня ты не училъ;
Тебя онъ, знаю, не любилъ;
Зюлейки жъ ты любовь забылъ?
Вотъ мысль! — Паши хулишь ты планъ!
Родню и Бея — Карасманъ,
Ты ненавидѣлъ, какъ врага.
Святыня Мекки дорога,
Клянусь ей! — Женамъ не дано
Къ ней подходить. Позволено

Молиться. Безъ воли твоей,
Султану пѣтъ руки моеи!
Разстаться, мыслишь ты, легко?
Отнять часть сердца моего?
Когда съ тобой разлучатъ вдругъ,
Кто будетъ спутникъ мой и другъ?
Года и время не видали,
Чтобъ изши души разорвали.
Хоть Азраель, съ стрѣлой смертельной,
Когда она должна сразить,
Разлучить всѣхъ; но намъ велить,
Чтобъ въ прахъ были нераздѣльны!»

12.

Онъ ожилъ, чувствовалъ, дышалъ
Опять; онъ дѣву приподнялъ;
Госка прошла, — глаза сверкали
Отъ чувствъ, что долго такъ скрывали,
Лучами сердце сожигали.
Когда потокъ сокрытъ порою
Бываетъ тѣнью ивъ густою
Себѣ путь къ свѣту пробиваетъ,
Волной блестящей вытекаетъ;
Такъ быстро молнія стремится,
Когда тучъ черныхъ мракъ сгустится;

Такъ эти очи заблистали
Сквозь вѣки, что ихъ окружали.
Какъ конь, услыша звукъ роговъ,
Какъ левъ, поднятый стаею псовъ;
Какъ къ бою пробужденный вдругъ,
Тиранъ ножемъ неловкихъ рукъ,
Съ отвагой жизнь бы защищаль;
Такъ быстро бодрость оказалъ,
Кто дѣвы клятву услыхаль!
«Теперь моя!—на вѣкъ моя,
Ты съ жизнью миришь меня!
Моя ты, хоть одна клялась,
Обѣихъ тѣмъ связала насъ.
Со мной была нѣжна, умна, —
Глава спаслась тѣмъ не одна!
Но не блѣдней—прядь твоихъ косъ
Дороже счастья для меня;
Я не сорву тончайшей власъ,
Что вьется вокругъ твоего чела,
Хотябъ за то мнѣ дали въ даръ
Богатства грота Истакаръ!
Сегодня на меня гроза
Упрекали лилась. Въ глаза
Здѣсь трусомъ Гіафиръ бранилъ!

Мнѣ много храбрымъ быть причинъ;
Заброшенный рабыни сынъ —
Не вѣришь? — такъ онъ говорилъ;
Я докажу, — хотъ не хвалюсь,
Что словъ и козней не боюсь.
Не сынъ его! — хотъ для тебя
Я тѣмъ готовъ считать себя;
Теперь, въ чемъ ты мнѣ поклялась,
Пусть будетъ тайной между насъ;
Того я знаю подлеца,
Тебя кто проситъ у отца;
Безчестнѣй злата и души
Межъ Музульманъ ты не ищи!
Знай! — въ Эгрипо онъ былъ рожденъ;
Въ Израелѣ хуже нѣтъ племенъ;
Довольно—скроемъ нашъ обѣтъ;
Все время выведетъ на свѣтъ.
Моймъ оставь Османа — Бей
Приверженцамъ, для черныхъ дней:
Хотъ не таковъ кажусь, но есть
Со мной друзья, оружіе, мечь!»

13.

«Ты не таковъ, какъ прежде былъ!
Селимъ. О! какъ ты измѣнился!

Поутру нѣжель такъ и милъ,
Теперь въ умѣ ты помрачился.
Ты прежде зналъ любовь мою,
Ее во вѣкъ не измѣню.
Съ тобою быть, тебѣ внимать;
За то лишь ненавиждѣть ночь,
Что днемъ тебя могу встрѣчать;
Съ тобою жить, въ могилу лечь,
Я смѣю думать и мечтать:
Лицо, глаза, уста лобзать,
Вотъ такъ! — Довольно цѣловать;
Аллахъ! — огонь въ устахъ твоихъ;
Горячка въ жилахъ такъ горитъ!
Тожъ чувствую я и въ своихъ,
Румянцемъ щеки слишкомъ жгетъ! —
Беречь въ болѣзни, облегчать;
Ботатствъ не тратя, раздѣлять;
Безъ ропота съ улыбкой брать
Трудовъ твоихъ большую часть;
Все! — при смертижъ глаза твои!
Закрывать не доживутъ мои!
Вотъ, мыслю я стремлюсь къ чему:
Могу ли больше? — Прикажи! —
Прошу тебя, Селимъ, скажи,

Нужна намъ скрытность почему?
Причину трудно отгадать,
Коль ты желаешь, будетъ такъ;
Друзья, оружіе, что сказать
Ты хочешь, не пойму никакъ.
Гіафиръ, хотя бѣ и услыхалъ
Объятъ, что я произнесла,
Исполню — какъ бы не стращаль;
Свободно я его дала.
Желанье можетъ ли дивить,
Чѣмъ я была тѣмъ вѣчно быть?
Зюлейку кто жъ ласкалъ другой
Съ младенчества, видалъ дѣтей?
И не желать узрѣть могу ли
Тебя, товарищъ колыбели,
Съ которымъ, съ дѣтства, мы играли?
Мечты, что съ жизнію начались,
Должна теперь не признавать!
Что нынѣ странное сбылось,
Чтобъ правду гордую скрывать?
Бережься надо чуждыхъ глазъ;
Законъ и вѣра учить насъ,
И въ мысляхъ, чтобъ послушны были;
Такой Пророка строгой воли,

Приказъ счастливый для меня,
Отнявъ другихъ, мнѣ далъ тебя.
Женой чужаго быть, тоска
Моя была бы глубока.
Зачѣмъ бы мнѣ то не сказать?
За чемъ велишь ты мнѣ скрывать?
Паша, въ своихъ поступкахъ гордый,
Къ тебѣ, я знаю, былъ не добрый:
Вспылить онъ часто ни съ чего,
Аллахъ! избавь насъ отъ того!
Я въ сердцѣ чувствую своемъ,
Что скрытность тяготитъ грѣхомъ.
И если въ томъ есть преступленье,
Душа предчувствіемъ грозитъ!
Селимъ! ты страшное сомнѣнье,
Во время можемъ прекратить!
На мнимыхъ войновъ, ты взгляни:
Отцемъ покинуты они!
Дрожу, предъ взоръ его предстать —
А отъ чего? — какъ рассказать?»

14.

«Зюлейка! — въ башню удались.
Его я встрѣчу — удержишь;
Притворно буду составлять

Фирманъ, наборъ, налоги, штатъ;
Съ Дияпра [извѣстія] страшатъ:
Визирь полкомъ не дорожитъ,
Гіаурь пускай благодаритъ!
Но, за столь цѣнную побѣду
Султанъ иную даетъ награду:
Замѣть! — Когда призывъ ночной
Сберетъ на пищу и покой,
Приду въ Гаремъ я за тобой:
Изъ кельи тихо ускользнемъ,
На берегъ моря мы поидемъ;
Садовыхъ стѣнъ высокъ подъемъ;
Не влезетъ дерзкій подстеречь
Свиданье наше, слушать рѣчь;
А влезетъ! — многимъ мой клинокъ
Знакомъ, — къ другимъ онъ не далекъ!
Тамъ отъ Селима то узнаемъ
Что не слыхала; не мечтаешь:
Зюлейка! вѣрь мнѣ и не бойсь,
Съ собой гарема ключъ принесть.»

«Бояться, мой Селимъ, скажи
Слова твои. . . .»

«Не отложи,

Вотъ ключъ — Горуна будетъ стражъ,
Какъ и всегда, награда таже,
Услышишь ты, Зюлейка, даже
Разсказъ, какъ жду я и боюсь,
Не то я, другъ мой, чѣмъ кажусь!»

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Ужасенъ вѣтеръ, буря выла
Въ Гелеспонтѣ, какъ въ ту ночь,
Когда любовь спасти забыла,
Кто молодъ, храбръ, красивъ; любила
Кого съ надеждою Сесто дочь.
Когда одинъ во тмѣ горѣлъ
Въ уединенной башнѣ факель,
Сквозь грозу и пѣну волнъ,
И крикъ птицъ домой звалъ онъ;
Тучи неба, волны моря,
Тщетно предвѣщали горе;
Онъ не видѣлъ, не слыхалъ,
Угрозамъ, страху не внималъ;
Любви онъ только видитъ свѣтъ,
Другихъ же звѣздъ, на небѣ нѣтъ;
Въ ушахъ звучить лишь пѣснь одна:
«Недолго разлучай, волна,

Любовниковъ! — рассказъ не новъ,
Но та-жъ въ сердцахъ горитъ любовь!

2.

Вѣтеръ силенъ, дико волны
Гелеспонта въ берегъ били;
Сумракъ ночи скрылъ долины,
Гдѣ напрасно кровь пролили;
Въ Приама гордости пустынь
Остались лишь однѣ могилы; —
Мечты безсмертныя прельстили
Слѣзнаго старца одного,
Съ крутаго острова Сіо!

3.

Увы! — мои стопы тамъ были;
По берегу тому бродили,
Насъ волны бурныя носили —
Съ тобой поэтъ! — жалѣть, мечтать,
Вновь поле битвы начертать,
Въ зеленыхъ бугоркахъ искать
Героевъ истинныхъ останки,
Вкругъ мѣстности той созерцать,
Того же Гелеспонта плески,
Будь моя доля! — чувствъ не знаетъ,
Тебя кто видя отвергаетъ!

4.

Ночь стемнѣла надъ струями
Гелеспонта; гору Иду —
Луна не облила лучами,
Какъ въ разказѣ; нѣтъ и виду
Войновъ; мирный пастырь шлетъ
Мольбы; на высотахъ пасеть
Стада, гдѣ слышенъ былъ полеть
Дардана стрѣлъ: насыпь земли,
Что обложилъ Аммона сынъ,
Народъ, монархи что воздвигли,
Теперь безъ имени курганъ! —
Тѣсна внутри твоя могила! —
Лишь чужеземцы знаютъ имя,
Кого она подъ прахомъ скрыла:
Скала всѣхъ вѣкомъ пережила;
А прахъ твой! — поглотило время!

5.

Любовнику еще не свѣтитъ
Діаны ликъ, страхъ не развѣетъ
Пловца; въ горѣ маяка нѣтъ,
Чтобъ лодки въ бурѣ видѣть слѣдъ,
Въ заливѣ огоньки мелькаютъ,
И постепенно погасаютъ;

Одинъ свѣтъ въ поздній часъ дрожить:
Лампа въ комнатѣ горитъ
Зюлейки, въ одинокой башнѣ.
Душистыхъ янтарей лежитъ
Нить на штофномъ отоманѣ,
По нимъ поройъ рука скользитъ.
Въ оправѣ, тутъ же, изумрудный
Подарокъ матери, священный,
Забытый, цѣнный амулетъ,
Рѣзнои на немъ Пророка текстъ,
Чтобъ здѣсь спасти, и въ другой свѣтъ
Дорогу дать; а вотъ расписанъ
Цвѣтами яркими Коранъ,
Томъ вѣкомъ собранныхъ ученій
И мудрыхъ Персовъ изреченій,
А лютя, рѣдко что молчить,
Теперь заброшена лежитъ;
Вкругъ лампы, золотой чекачи,
Китайскихъ много урнъ съ цвѣтами;
Работы богатѣйшей ткани,
Ширазы дань, съ ея духами;
Все, чувство, зрѣнье что прельщаетъ,
Обитель пышная вмѣщаетъ;
Отсутствіемъ все помрачаетъ.

Жпища Пери, и душа
Идетъ во тмѣ ночной, спѣша.

6.

Завернуть въ плащъ широкій, мрачный,
Что носить Мусульманинъ знатной,
Селимъ, дороже неба, грудь
Берегъ, чтобъ вѣтеръ не могъ дуть.
Съ боязнію по лѣсу ступая,
При каждомъ звукѣ замирая,
Какъ буря въ проськахъ стонала;
Когда жъ на гладкій путь вступала,
Свободнѣй сердце трепетало,
Хоть страхъ идти ей запрещалъ;
Безмолвно дѣву провожалъ
Селимъ; какъ отъ него бѣжать?
Изъ нѣжныхъ устъ упрекъ сказать?

7.

Достигли грота, что создала
Природа, хитрость разубрала,
На лютнѣ часто гдѣ играла.
Въ уединеніи Коранъ читала,
И часто, юная, мечтала,
Что рай Корана разеуждала.
Куда душа жены поидеть,

Пророкъ о томъ рѣчь не ведетъ,
Селиму жъ назначенье есть,
Не могъ онъ долго перенести,
Чтобы въ блаженномъ мірѣ жить
Безъ той, кого привыкъ любить!
Другая будетъ ли милѣе?
А ласки Гуріи нѣжиѣе?

8.

Съ тѣхъ поръ какъ въ гротѣ не была,
Въ немъ разнища произошла:
Быть можетъ отъ того, что въ немъ,
Видъ ночью не таковъ, какъ днемъ:
И лампы тусклый огонекъ,
Отъ неба свѣтлаго далекъ:
На сводъ взоръ устремивъ свой въ даль,
На вещи странныя онъ палъ.
Оружья разныя тамъ были,
Не тѣ, что Деліи носили;
Но чужеземнаго издѣлья,
Кровь на одномъ — слѣдъ преступленья!
Какъ безъ того ее пролить?
На лавкѣ чаша тутъ стоитъ,
Но въ ней напитокъ не шербетъ.

Что это значитъ? — Гдѣ Селимъ?

Она взглянула — «Что же съ нимъ?»

9.

Плащъ знатности отбросилъ онъ,
Тюрбанъ высокій замѣненъ
Пунцовой шалью на главѣ,
Слегка навитой на челѣ:
Въ каменьяхъ у кинжала ножны,
Цѣною діадемъ достойны,
Ужь не блистали въ кушакѣ,
А пистолеть простой въ рукѣ
И сабля на боку звенѣла;
Съ плеча красивая висѣла
Накидка бѣлая, капоть,
Что носить странникъ Кандіотъ;
Чеканный золотомъ камзолъ,
Какъ бронейю грудь покрывалъ:
Шальвары у колѣнъ скручены
Чешуей крѣпкой, посребрены.
Рука, манеры, искры глазъ
Готовы гордый дать приказъ;
И каждый видѣлъ, взглядъ простой,
Что въ немъ герой былъ молодой.

10.

«Ты видишь правду ль говоришь,
Что не таковъ я, какимъ былъ?
Разсказъ тебя мой удивить, —
Онъ многимъ можетъ повредить.
Я нынѣ не хочу скрывать;
Жены Осману не видать.
Устами если бѣ не сказала
Ты, чувства сердца не сознала,
Открыть не могъ, не смѣлъ бы я,
Какъ тайна гибельна моя.
Не о любви здѣсь рѣчь пойдетъ;
Опасность, время то пойметъ:
Другой не будетъ обладать
Зюлейкой! — я тебѣ не братъ!»

11.

«Не братъ! — не говори то мнѣ!
Одной остаться на землѣ,
Грустить, — не смѣя проклинять
День, когда жизнь дала мнѣ мать!
Любить меня не будешь болѣ;
Душа вѣщала по неволѣ
Мнѣ горе; знай, какъ прежде я,
Зюлейка, другъ, сестра твоя.

Сюда ты вель меня убитъ;
Причина есть, у тебя, мстить;
Гляди! — вотъ грудь, — ты погубить
Свободенъ, — лучше смерть, чѣмъ жить
И для тебя ничѣмъ не быть!
Что хуже, знаю нынѣ какъ
И почему. Гіафиръ твой врагъ;
Увы! Гіафира я дитя,
Унизилъ, презрилъ онъ тобой.
Хоть не сестра я, — жизнь, не мстя,
Спаси, — твоей дай быть рабой!»

12.

«Не ты. Зюлейка, — я рабъ твой:
Страхъ, милая, умѣрь ты свой,
Мы брѣшко связаны судьбой;
Порука въ томъ Пророкъ святой,
Ты мысль свою тѣмъ успокой.
Клянусь! — Корана стихъ открывъ,
Мечъ на него мой положивъ;
Въ опасности пусть насъ хранитъ,
А клятвѣ, долгъ мой, вѣрнымъ быть!
Названье, чѣмъ въ душѣ гордилась,
Зюлейка, нынѣ измѣнилось;
Разрывъ родства, намъ сблизилъ бракъ,

Хоть твой отецъ мнѣ злѣйшій врагъ!
Родитель мой Гіафиру былъ,
Чѣмъ я тебѣ недавно слылъ,
Погибель брата онъ свершилъ,
Меня жъ дитею пощадилъ:
Надеждой тщетной оболъститъ
Дерзнулъ, — отца что возвратить.
Не съ нѣжностью ласкалъ, измѣнникъ
Меня, я Каїна былъ племянникъ;
Какъ львенка онъ меня стерегъ,
Чтобъ цѣшь я перегрызть не могъ.
О! въ жилахъ кровь отца кипить;
Но, для тебя, мой гнѣвъ забыть,
И мечь готовъ я отложить;
Но, здѣсь мнѣ невозможно жить.
Зюлейка, знай, отецъ какъ твой
Свершилъ ужасный замысль свой!

13.

«Что ненависть, въ нихъ породило?
Любовь, иль зависть превратила
Ихъ во враговъ? Мнѣ не извѣстно;
Но съ пылкимъ духомъ незамѣтно
И легко отнять покой.
Абдуль такъ крѣпокъ былъ рукой,

Что въ Босніи пѣснь про то сложили;
Толпы буйныхъ Пасванъ были :
Не рады; гостя не любили;
Его я расскажу здѣсь смерть,
И Гіафиръ свершилъ, какъ мечь,
Кто, мнѣ рожденіе открылъ,
Тѣмъ мнѣ свободу подарилъ.

14.

«Послѣ долгихъ войнъ, Пасваны,
Власть и жизнь чтобы спасти,
Видина гордо взяли стѣны;
Паши вокругъ той крѣпости
Состояли; не послѣднимъ каждый,
Братъ, управлялъ толпою разной;
На быстрыхъ, точно вѣтръ, коняхъ
Въ Софійскихъ мчались поляхъ.
Раскинуть лагерь, постъ назначень;
Для одного, увы! напрасень!
Найти слова гдѣ? — смерти чашу,
Гіафиръ велѣлъ наполнить
Ядомъ, вреднымъ какъ самъ. Душу
Брата въ небо, чтобъ отправить.
Съ охоты возвратясь, лежалъ
Онъ въ банѣ, и не ожидалъ,

Чтобъ брата гнѣвъ могъ отравить
Бокаль, чѣмъ жажду утолить:
Наемщикъ чашу ту поднесъ;
Хлѣбнулъ онъ разъ — не перенесъ!
Зюлейка, вѣришь ли ты мнѣ? —
Горунъ пусть подтвердитъ тебѣ!

15.

«Свершилось! — Пасванъ возмущенья
Окончивъ, частью покоренье,
Абдула Пашалыкъ былъ данъ, —
Кому жъ? — ты знаешь, нашъ Диванъ
Не мужа, а богатство чтеть —
Абдула принялъ тотъ почетъ,
На комъ пятно брато-убійцы;
Опустошивъ сокровищницы
На подкупъ. Вновь ихъ замѣнилъ,
А спросишь чѣмъ? — онъ разорилъ
Народъ. — Взгляни, какъ скуденъ онъ,
Чела потъ, трудъ чѣмъ награжденъ?
Меня какъ хищникъ пощадилъ?
Не знаю. — Жалость, стыдъ, укоръ,
Презрѣнье дѣтскихъ силъ. Позоръ
Чтобъ скрыть, я былъ усыновленъ;
Судьбой онъ сыномъ не даренъ.

Причуды, странное коварство,
Мнѣ дали жизнь — по не блаженство:
Вражды не можетъ духъ онъ скрыть,
А я родную кровь забыть.

16.

«Враговъ отца домъ помѣщаетъ;
Не всѣ вѣрны, кто хлѣбъ вкушаетъ:
Я правду, если бѣ имъ открылъ,
Онъ дня, минуты бѣ, не прожилъ:
Имъ нужны: сердце — управлять,
Рука — чтобъ жертву указать.
Горунъ одинъ свидѣтель былъ,
Разсказъ почти я довершилъ:
Въ дому Абдулъ его питалъ,
Въ сералѣ также занималъ
Онъ постъ, — при немъ онъ умиралъ.
Что слабый рабъ могъ предпринять?
Его ужъ поздно отомщать;
Спасти дитя отъ той же доли
Онъ предпочелъ. Хоть по неволѣ
Избранный, покоровъ врага,
Предатель брата, важно жилъ;
Горунъ сиротку въ ворота
Привелъ; но тщетно онъ молилъ,

Жизнь сохранить мнѣ упросилъ
Съ тѣмъ, чтобъ я роду своего
Не зналъ, ни какъ, ни для чего;
Такъ Гіафиръ спокоенъ былъ;
Потомъ изъ Румели отплылъ
Сюда; край Азіи далекъ
Дунайскихъ странъ и береговъ;
Горунъ хранить одинъ лишь могъ
Секретъ, Нубіецъ тотъ готовъ
Тирана тайну разорвать,
Какъ узникъ избѣжать оковъ,
Онъ радъ былъ все мнѣ рассказать,
Аллахъ велѣлъ, чтобъ зналъ злодѣй,
Рабовъ, клеветовъ, — не друзей!

17.

«Зюлейка, дико рѣчь звучить:
Но будетъ мой языкъ страшнѣй
Еще, для нѣжности твоей;
Но правду долженъ я излить.
Тебя нарядъ мой изумилъ,
Но долго я его носилъ,
Еще онъ долго будетъ мой:
Кому обѣтъ дала ты свой,
Глава Пиратовъ, въ чьихъ толпахъ

Законы, жизнь на ихъ мечяхъ;
Тебя ихъ повѣсть огорчить,
И страхомъ щеки убѣлить;
Оружья шайкой собраны,
Владѣть готовы имъ они;
А чтобъ бродяга не ропталъ,
Для дерзкаго налить бокаль:
Аллахъ прости имъ! — для вина,
Тебѣ душа ихъ не вѣрна!

18.

«Чѣмъ былъ я? — Дома заключень,
Желаньемъ воли соблазненъ,
Безъ дѣла; — Гіафира страхъ,
Мнѣ отказаль въ конѣ, копьяхъ —
О, Магомедъ! я самъ слыхаль,
Какъ предъ Диваномъ упрекаль,
Что длань слаба моя была,
Чтобъ лукъ держать и удила:
Онъ на войну одинъ ходилъ,
А я забыть, не признанъ жилъ,
Горуну, женамъ поручень,
Надежды, славы, былъ лишенъ;
Съ тобой мнѣ сладко жизнь текла, —
Не мужественна, но мила, —

Изъ Брюзской крѣпостной стѣны,
Куда ты скрылась отъ войны,
Мое замѣтивъ нетерпѣнье,
Въ презрительномъ ярмѣ бездѣлья,
Горунъ рѣшился, хотъ дрожалъ,
На время плѣнъ мой разорвалъ;
Вернуться раньше, слово взялъ,
Чѣмъ Гіафира домой ждалъ.
Нѣтъ силы, словомъ передать,
Восторгъ сердечный описать!
Океанъ, солнце, небо глазъ
Мой зрѣлъ, на волѣ, въ первый разъ;
Я духомъ ихъ насквозъ пронзалъ,
И всѣ ихъ тайнства постигалъ!
То чувство можно лишь сравнить,
Со счастьемъ свободнымъ быть!
Я объ тебѣ ужъ не скучалъ,
Своими небо, міръ считалъ!

19.

«Мавра вѣрнаго ладья,
На берегу ждала меня;
Я жаждалъ видѣть острова,
Что старый Океанъ собралъ,
Какъ діадемы жемчуга;

Я всё объѣхалъ, увидалъ;
Но какъ я шайку повстрѣчалъ,
Себя съ ней клятвою связалъ:
Подняться вмѣстѣ иль упасть.
Что мы намѣрены создать
Удастся если, то тогда
Разсказъ кончать придетъ пора.

20.

«Хоть правда, что законъ имъ чуждъ,
Груба наружность, правъ крутой;
Племень всѣхъ, вѣры не одной,
Но между нихъ всегда найдутъ
Твердость длани, рѣчь прямую,
Довѣрчивость ко мнѣ слѣпую;
Не знаетъ страху каждый разъ,
Ихъ въ дѣлѣ сердце или глазъ;
Дружба, вѣрность, между всѣхъ
И мщенье, кто погибъ, за тѣхъ;
Нашелъ орудій крѣпкихъ въ нихъ,
Для всѣхъ намѣреній моихъ.
Иные, — всѣхъ я изучилъ,
Класъ не простой въ нихъ отличилъ,
Въ совѣтъ мой поселили мудрость
И просвѣщенныхъ Франковъ хитрость;

Другіе, — вышихъ плановъ ждуть,
Послѣднихъ Патріотъ пріютъ,
Свободу, равенство прославляютъ;
Въ пещерѣ часто вокругъ огней,
Мечты, проекты составляютъ,
Спасти отъ нужды, кто ихъ бѣднѣй.
Пускай ихъ души утѣшаетъ,
Мысль о правахъ равенства;
Хоть человекъ тѣхъ правъ не знаетъ,
Свободу я любилъ всегда.
Пусть по морю, какъ Патріархъ, блуждаю!
Иль домъ Татарина хоть на землѣ я знаю!
На берегу палатка, на морѣ мой чёлнъ,
Столицъ, сераля для меня дороже онъ:
На рысакѣ несясь, подъ парусомъ качаясь;
Въ пустынѣ мчась, иль съ бурей сражаясь
Скачи мой конь, плыви моя ладья!
Но пусть звѣзда, хранить въ пути твоя!
Зюлейка, будь со мной, и барку освяти;
Ковчега голубь, миръ намъ возвѣсти!
Надежда, коль отъ свѣта отеклась,
Будь, въ буряхъ жизни, радугой для насъ!
Вечерній лучъ, что тучи разгоняетъ,
Пророчески на завтра вѣдро обѣщаетъ!

Ты, какъ тотъ Муезинъ, изъ Мекки стѣнь,
Для Пелигримовъ чистъ, благословенъ;
Какъ пѣснь, отъ юношескихъ лѣтъ нѣжна,
Когда въ очахъ слезой дрожить она;
Мила въ изгнаньи, какъ нащѣвъ родной,
Когда леть звукъ, любимый голосъ твой,
На островахъ, тебѣ состроенъ домъ,
Цвѣтущій какъ Эдемъ; пріятно въ немъ.
Сто шпагъ, — Селима сердце, длань,
Служить, хранить, идти за тебя въ брань!
Съ моею шайкою — съ Зюлейкой близъ себя,
Нарядъ всеѣхъ націй, дамъ невѣстѣ я.
За беззаботное въ Гаремѣ время,
Награда дѣль мнѣ сладостное бремя:
Не слѣпъ къ судьбѣ, — я вижу ждуть меня
Опасности, — но все любовь одна!
Фортуна хоть измѣнить, другъ передасть,
За все труды, грудь милая воздасть
Мечта пріятная: въ часы грядущихъ бѣдъ,
Когда измѣнить все, — ты сохранишь обѣтъ!
Ты сердца твердостью, Селиму будь равна;
Какъ я люблю тебя, ты будь ко мнѣ нѣжна;
Утѣшить въ скорби, — радости дѣлить,
Все мысли знать, — и вѣчно вмѣстѣ быть!

На волѣ буду шайкой управлять;
Друзья межъ насъ, — къ другимъ вражду питать;
Людамъ воинственнаго рода,
Всѣмъ путь одинъ дала природа:
Когда въ побѣдахъ, битвахъ устаютъ,
Опустошенье миромъ назовутъ!
Хоть все, искусство, силу изучу,
Не болѣе земли, чѣмъ мечъ мой я хочу;
Гдѣ власть, тамъ и раздоръ, — а средства ихъ:
Обманъ иль сила, — нѣтъ среды межъ нихъ!
Мы силу избрали; — придетъ обманъ:
Въ столицѣ клѣтка — домъ намъ будетъ данъ;
Тамъ чаще сердце можетъ измѣнить,
Зла избѣжавъ, развратомъ духъ сгубить!
Жена скорѣй, когда смерть иль бѣда
Любовника несчастно сокрушитъ,
Предаетъ себя соблазну безъ стыда —
Сомнѣнье прочь! — съ Зюлейкой такъ не быть!
Но въ жизни случай есть для всѣхъ; и въ ней
Не выигрышъ, — опасность есть скорѣй:
Сомнѣнье, страхъ тебя лишиться! Власть
Османа велика; могъ приказать
Тебѣ отецъ; боязнь должна пропасть:
Мнѣ нынѣ тихій вѣтръ, любовь даютъ

Я побывалъ на острову:
Давно хотъ шайку не видалъ,
И рѣдко землю покидалъ,
Не можетъ дѣло предпринять,
Она чтобы не дать миѣ знать:
Я планъ сраженья назначаю,
И часть добычи получаю.
Я слишкомъ слухъ твой занимаю;
Пора спѣшить, -- плыветъ ладья,
Вражду и страхъ, здѣсь кину я!
Османа завтра съ свитой ждуть, —
Сегодня надо цѣпь стряхнуть:
Чтобъ бея гордаго спасти,
Кто жизнь тебѣ далъ, хочешь ты
Избавить если, то стремясь,
Бѣги со мной, сейчасъ, сейчасъ! —
Хоть быть моею ты поклялась,
Но если то, что я открылъ,
Твой образъ мыслей измѣнилъ,
Останусь, бракъ чтобъ видѣть твой,
Своей рискуя головой!»

22.

Стоитъ Зюлейка, безъ движенья
И, какъ статуя огорченья,

Когда надежду потеряла,
Та нѣжная мать камнемъ стала;
Моложе дѣва, но въ себѣ,
Изобразила Ниобе.

Но прежде чѣмъ глаза, уста
Успѣли молвить иль взглянуть,
Сквозь стѣнъ садовыхъ ворота,
Сверкнули факелы: идутъ! —
«Бѣги, спасайся! — разъ, два, три! —
Мой болѣе чѣмъ братъ, смотри! — »
Въ дали широко, сквозь вѣтвей,
Блеститъ кровавый свѣтъ огней;
То мало, — каждая десна,
Мечемъ была вооружена.

Они бѣгутъ, слѣдятъ и рыщутъ,
Съ свѣтильникомъ, съ оружіемъ ищутъ;
Всѣхъ послѣ, яростью пылая,
Гіафиръ, саблюю махая,
Спѣшитъ; почти вступили въ Гротъ!
Ужель здѣсь смерть Селима ждетъ?

23.

Стоялъ онъ съ мужествомъ — прошли!
«Зюлейка, поцѣлуй — прости!
Хоть шайка близъ земли стоитъ,

Сигналь услышитъ, свѣтъ узритъ;
Но мало ихъ, — безумно ждать
Удачи, — можно попытать!»
Ко входу грота онъ ступилъ,
И выстрѣль эхо разбудилъ;
Зюлейка не дрожитъ, не плачетъ,
Ей ужасъ грудь, глаза сжимаетъ! —
«Не слышать! если жъ и спѣшатъ
Весломъ, — увидятъ смерть мою:
Мой звукъ враговъ призвалъ назадъ.
Отецъ, я шашку взялъ твою!
Войну видали ль не равнѣй?
Прощай, Зюлейка! — здѣсь не стой!
Ты дальше спрячься и не бойсь,
Чтобъ на тебя онъ гнѣвъ свой несъ.
Ты хоть страшишься за отца,
При встрѣчи съ нимъ, я жду конца!
Нѣтъ, — хотъ онъ брату яду далъ!
Нѣтъ, — трусомъ хотъ меня назвалъ!
Смиренно, всѣхъ другихъ ножи
Могу ли видѣть я, скажи?»

24.

Однимъ прыжкомъ онъ былъ далекъ;
У ногъ его ужъ на песокъ,

Большая пала часть враговъ;
Корчи труповъ, стонъ головъ:
Еще упалъ, — но скоро вновь,
Кругъ стѣсняется враговъ;
Онъ вправо, влѣво, путь пробилъ,
Къ волнамъ на встрѣчу онъ спѣшилъ:
Видна ладья, — мала, легка, —
Гребцы съ отвагою плывутъ, —
Къ спасенью ужъ она близка!
Къ скаламъ онъ направляетъ путь;
Друзья его стремятся вплавъ,
Въ заливѣ ихъ мечи сверкаютъ;
Дики, — взмокнувъ, — не уставъ,
Борясь съ волной, брегъ достигаютъ!
Поснѣли, — битву чтобъ продлить, —
Онъ кровью воду ижъ мутитъ!

25.

Онъ сталью, пулею не тронуть,
Иль только слабо оцарапнуть;
Селимъ съ усильемъ достигаетъ,
Гдѣ песокъ волну встрѣчаетъ;
Съ земли на воду шагъ занесъ,
Ударъ послѣдній свой нанесъ; —
Зачѣмъ вернулся онъ назадъ?

Ее не могъ ужъ увидать!
Единый взглядъ, одно мгновенье,
Рѣшили плѣнь или паденье!
Въ бѣдѣ любовь онъ доказалъ,
Надежду долго сохранялъ!
Онъ къ выстрѣлу стоялъ спиной,
Друзей за нимъ тѣнился строй;
Вдругъ, пуля съ визгомъ пронеслась! —
«Врагъ Гіафира долженъ пасть!»
Чей слышенъ гласъ? — чей карабинъ,
Въ тиши почной, звучитъ одинъ?
Такъ близокъ, что не ошибется?
Абдула выстрѣлилъ убойца!
Отецъ мучительно страдалъ,
Но сынъ скорѣе умиралъ:
Изъ раны быстро кровь струится,
Ей пѣна бѣлая мутится;
И усть его чуть внятный стонъ,
Волной шумящей заглушенъ!

26.

Тучи по небу клубились;
Трофеи малые остались:
Въ заливѣ ночь; — и битвы-стукъ
Замолкъ; — оружья страшень звукъ!

Лишь крови на землѣ слѣды,
Обломки коніи, пуль черты,
И отгискъ, вдавленныхъ въ песокъ,
Въ борьбѣ предсмертной, рукъ и ногъ;
Брошенъ факель; вотъ близка,
Безъ весель, лодка ихъ плыветь;
Прицѣвленъ къ вѣтвямъ тростника,
Что по крутой горѣ растеть,
Разорванъ на двое капоть.
Бѣлѣтъ! Красное пятно
Волной не смоеся одно:
Его носилъ кто, гдѣ же тотъ?
Объ немъ кто плачетъ, пусть вопщеть,
Море гдѣ немолчно плещеть,
Бурной вокругъ скалы волной,
На берегъ Лемноса крутой;
Надъ добычею холодной,
Готовятъ птицы клювъ голодный;
Грозить, на ложѣ безпокойномъ,
Глава движеніемъ неровнымъ;
Поднявъ безжизненнымъ перстомъ,
Сразиться ищетъ со врагомъ;
Катящимъ взброшенный валомъ,
Мчится въ пропасть трупъ, потомъ —

Что добивается онъ бѣдной,
Въ живой могилѣ, столь мятежной?
Его прахъ птицы раздираютъ,
Червя добычи тѣмъ лишаютъ;
Но это сердце, эти очи,
Что плакали бѣ и дни и ночи;
О смерти бы его грустили
Его останки схоронили,
Его могилу бѣ посѣтили, —
Замолкло сердце, взоръ потухъ, —
Скорбѣи чѣмъ испустилъ онъ духъ!

27.

Надъ Гелеспонтомъ плачъ и стонъ;
Блѣднѣетъ воинъ, льютъ слезы очи женъ;
Гіафиръ Зюлейку потерялъ;
Мужъ нарѣченный опоздалъ,
Лица невѣсты не видалъ;
И вопль и крикъ онъ услыхалъ,
Далеко слухъ онъ поражалъ!
Служанки плачутъ у воротъ,
Монахъ Корана гимнъ поётъ,
А рабъ сложивши руки ждетъ,
Вздыхаютъ въ залѣ, на дворѣ кричатъ
Про смерть твою всемъ говорятъ!

Ты не видала какъ Селимъ упалъ!

И въ страшный мигъ, какъ гротъ онъ покидалъ,

Ты сердцемъ перестала жить!

Онъ былъ твоя надежда, радость, страсть,

И мысль, что ты его не можешь спасти,

Ужасна и могла убитъ!

Вскричала дѣва и на вѣкъ затихла:

Спи въ мирѣ, сердце бѣдной и могила!

Блаженна! — въ жизни зло не все познала,

Глубоко скорбь впервые испытала!

Счастлива! — ты не знала униженья,

Разлуку, стыдъ, гнѣвъ, мечь и угрызенья!

И скорбь души, безумье что даетъ,

Грызущій змѣй, что вѣчно не умретъ;

Тоскливы дни, ночныя привидѣнья,

Страшится тмы, не любятъ освѣщенья,

Вкругъ сердца вьются, рвутъ и ужасають;

Но не убьютъ совѣмъ, и прочь не отлетаютъ.

Паша безжалостный, горе тебѣ!

Прахъ сыплешь тщетно на главу себѣ;

Хоть власяницею себя обременилъ,

Абдула и Селима ты убилъ.

Въ пустой ты скорби, рвешь брану свою:

Невѣсту Османа, красу твою,

Узрѣвъ ея, Султанъ бы взялъ въ жену.
Да, предавъ дочь свою ты смерти сну!
Утѣха старости, единый въ мракѣ свѣтъ;
Увы! — звѣзды надъ Гелеспонтомъ нѣтъ!
Ты кровь проливъ, лучъ погасилъ звѣздъ!
Чу! — слышенъ гласъ отчаянья въ бѣдѣ
«Гдѣ дочь моя? «А эхо вторить:» гдѣ?»

28.

Въ томъ мѣстѣ, сотни гдѣ могилъ
Стоять; ихъ грустно мракомъ скрылъ
Рядъ кипарисовъ что растеть,
Не увядая; вѣтви, листъ
Согнулись, точно скорбь ихъ жмётъ,
Какъ рано сгибнувшая страсть.
Могилъ есть; всегда цвѣтеть
Въ смертельной рошѣ; гдѣ одна
Въ уединеньи запахъ льетъ
Роза нѣжная, блѣдна,
Отчаяньемъ посажена; —
Бѣла, слаба, малѣйшій духъ
Ее бы сорвалъ, вѣрно, вдругъ;
Но бури, вѣтры, хоть ревуть,
И грозъ сильнѣе, руки рвутъ
Ее; напрасно, съ вѣтки прочь.

Она вновь разцвѣтетъ въ ту ночь!
Какъ будто духи берегутъ,
На корни слёзы, съ неба, льютъ,
Тамъ дѣвы говорятъ, порой,
Что тотъ цвѣточекъ не земной:
Его гроза не устрашаетъ,
Онъ безъ защиты разцвѣтаетъ;
Въ засуху онъ не увядаетъ,
Его лучъ солнца не сжигаетъ:
На немъ, въ ночь лѣтнюю, поётъ
Птичка — чудо, трели льетъ.
Незримыхъ крылій слышенъ стукъ,
Какъ арфы, дивныхъ Гурій, звукъ
Наивомъ грустнымъ, точно стонъ,
На соловья походить онъ!
Все жъ соловей не сладокъ такъ;
Кто слышалъ, — тотъ не могъ ни какъ
Оставить мѣсто; — что-то ждалъ,
Какъ будто отъ любви страдалъ!
Течетъ слеза; ужель могла
Быть скорбь тиха такъ и мила?
Жаль! — какъ настанетъ дня разсвѣтъ,
Онъ перестанетъ нѣжно цѣтъ;
Желали бъ плакать и грустить,

Такъ чудно, хорошо свистить!
Едва дневной лучъ заблестаетъ,
Его мелодія замираетъ.
И многія въ томъ увѣряютъ,
(Обманчивы мечты бывають;
Въ томъ жалко юность осуждать),
Глубокій и унылый тонъ,
Какъ будто силиться сказать,
Названіе Зюлейки; онъ,
Съ верхушки кипарисовъ, шлетъ
Ей имя и къ себѣ зоветъ.
Цвѣткомъ невинностигробница
Украшена, гдѣ спитъ дѣвица.
Надъ ней былъ мраморъ положенъ;
На утро, съ мѣста, скрылся онъ!
Могла-ль рука людей, когда
Тяжелый камень снести, куда?
Гласитъ легенда, что онъ стальъ,
На берегъ, гдѣ Селимъ упалъ;
Волна того плиту ласкала,
Кому въ могилѣ отказала.
Въ полночь, когда кругомъ все спитъ,
Глава въ тюрбанѣ тамъ лежитъ:
На море, призракъ тѣнь бросаетъ,

«Пирага — ложемъ» называютъ
То мѣсто; траурный цвѣтокъ
Разцвѣль, какъ онъ впервые легъ;
Цвѣтетъ поныиѣ, одинокъ,
Чистъ, блѣденъ, холоденъ; росой,
Какъ глазъ красавицы, облитъ;
При грустной повѣсти, слезой
Такъ нѣжная щека блеститъ!

К О Н Е Ц Ъ.